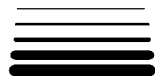

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Культурологическая обсерватория

КУЛЬТУРА: КОНФЛИКТЫ И КОМПРОМИССЫ

С.С. ГУСЕВ

Один из аспектов функционирования систем культуры связан с организацией всевозможных видов человеческой деятельности, направленных на сохранение и совершенствование жизни общества. Деятельность эта проявляется в различных формах и реализуется на разных уровнях, что обуславливает принципиальную неоднородность культуры как целостной системы. Поэтому в реальной социальной практике часто возникают ситуации столкновения между различными тенденциями, определяющими само существование культурного комплекса. Подобные ситуации нередко определяют как «конфликт». Для понимания того, какую роль конфликт играет в культурной жизни, следует иметь в виду, что обычное восприятие этого слова как указания на непримиримое противоречие между различными людьми или социальными группами не исчерпывает его содержательного смысла. В латинском языке слово «конфликт» обозначает *нарушение существующего порядка, рассогласование частей некоего целого*. И восстановление утраченной гармонии вовсе не обязательно предполагает подавление одной стороны конфликта другой. Скорее следует говорить о постоянной смене характера их взаимодействия. В этом случае культуру можно трактовать как систему, находящуюся в состоянии неустойчивого равновесия, постоянно нарушаемого и восстанавливаемого.

Следовательно, конфликт оказывается важным фактором, способствующим развитию человека. В силу неоднородного характера культуры, в одной и той же фазе существования общества могут обнаруживаться разные типы конфликта. Некоторые из этих типов оцениваются как именно *непримиримые противоречия*. Это во многом обусловлено тем, что в жизни общества достаточно часто на первом плане оказываются разнообразные столкновения, возникающие между какими-то социальными, этническими или возрастными группами, политические или межконфессиональные разногласия внутри одной и той же общественной системы. Именно они, на первый взгляд, и определяют состояние любого социума в каждый кон-

кретный момент его жизнедеятельности, поскольку обычно непосредственно затрагивают интересы каждого человека. Такие конфликты широко освещаются средствами массовой информации, активно обсуждаются, способствуют возникновению партий, оппозиционных по отношению к существующей власти или способствующих ее укреплению. Все это и делает неоднородный характер общественной жизни наглядным для всех людей. Признавая всю важность подобных конфликтов, их с некоторой степенью условности можно определить как «внешнюю» группу по отношению к фундаментальной природе культурных систем хотя бы на том основании, что некоторые из них могут и не возникать в каких-то условиях или обостряться под влиянием случайных факторов.

Но есть и другой тип конфликтов, выражающий саму сущность культуры. Без их проявления не может существовать ни одно общество, а потому их можно определить как «внутренние» конфликты. К ним относятся такие формы «рассогласования целого», которые не связаны с жесткой конфронтацией противостоящих друг другу элементов. Они проявляются в любой системе культуры, хотя не всегда осознаются достаточно явно. Один из таких конфликтов обусловлен тем, что коллективные действия, обеспечивающие удовлетворение человеческих потребностей, ориентированы во времени принципиально различным образом. В самом деле, чтобы удовлетворить осознаваемые потребности, приходится предварительно создать определенные средства и условия, с помощью которых поставленные задачи могут быть решены. Поэтому человеческие действия распределяются, как минимум, по двум фазам: «подготовительной» и «заключительной» (в рамках которой потребности удовлетворяются). С развитием общества значение подготовительной фазы постоянно увеличивается¹. Это означает, что человек все больше времени и усилий «сегодняшнего» времени затрачивает на обеспечение своей жизнедеятельности в «возможном будущем».

Решая насущные задачи, люди не всегда явным образом осознают, что для достижения поставленной цели (желаемого будущего) используются технические средства и соответствующие технологические рецепты, возникшие когда-то на основе прошлого опыта. Во время своего использования эти средства и методы оказались успешными, что определило стремление сохранить их и в последующем. И бывает не так-то просто осознать, что следование традициям, которые были в свое время вполне эффективны, может не соответствовать задачам нового времени. Стремление во что бы то ни стало воспроизводить уже освоённые приемы и процедуры свидетельствует о чрезмерной инерционности психической жизни людей. А потому возникший *конфликт целей и средств* может долгое время оставаться неосознанным. В результате неудачи, с которыми сталкиваются люди, производя

привычные действия, достаточно долго объясняются человеческими ошибками, техническими неполадками, случайными аномалиями условий, в которых осуществлялись их действия и т.д. Инерционность мышления чаще заставляет скорее совершенствовать уже имеющиеся средства и способы, чем искать принципиально новые.

Ориентируясь на прошлые образцы, люди обычно не сразу замечают кардинальные изменения в своей жизни и продолжают долго следовать стандартам, уже не вполне соответствующим новым условиям. Даже принципиальные нововведения до определенного времени воспринимаются как простое улучшение того, что уже существует. Наглядные примеры можно увидеть, обратившись к истории любого вида человеческой деятельности. Так, Г. Уэллс в книге, посвященной обсуждению возможных направлений развития техники и социального прогресса, отмечал, что ширина железнодорожной колеи была обусловлена тем, что создатели паровоза повторили ширину следа, оставляемого телегой. Принципиальное отличие машины от лошадиной тяги поначалу не принималось в расчет. Приводя множество примеров подобного рода, писатель пришел к выводу, что многие технические новшества создаются и принимаются к использованию задолго до того, как люди начинают понимать их кардинальное отличие от привычного опыта². Представления о действительной сущности нововведений оформляются позднее. Но осознание этого может изменить весь характер человеческой жизни. Это происходит тогда, когда становится явным конфликт *между традициями и новациями*, являющийся одним из важных факторов социальной жизни.

Люди создают новые вещи и изобретают новые способы обращения с ними, опираясь на привычные способы действия в конкретных ситуациях непосредственной практики. И всевозможные нововведения начинают использоваться задолго до того, как приходит понимание действительной природы сил и законов, которые в этих нововведениях проявляются. Осмысление нового опыта поначалу происходит в рамках старых традиционных представлений. Известно, например, что один из первых исследователей мира микробов описал процесс деления бактерии как половой акт, поскольку в то время о других способах размножения живого никто не подозревал. Физик Максвелл, разрабатывавший идею электромагнитного поля, долгое время пытался построить его механическую модель. Подобных примеров много. Но по мере освоения новшеств начинает формироваться обобщенно-абстрактное понимание их сущности, во многом кардинально отличающееся от ранее распространенных взглядов. Создаются предпосылки замены обыденных представлений теоретическими объяснениями природы нововведений. И *теоретические идеи часто вступают в конфликт со «здравым смыслом»*, определяющим жизнедеятельность людей в какое-то «данное» время. Так, астрономы

когда-то перешли от геоцентрической к гелиоцентрической модели устройства солнечной системы (хотя справедливость последней не соответствует тому, что человек наблюдает каждый день).

Инерционность человеческой психики обуславливает то обстоятельство, что в культурном сознании людей всегда взаимодействуют с различной степенью явности представления разной природы. Одни из них выражают повседневный предметно-практический опыт человеческих действий, другие обусловлены опытом интеллектуально-рационального осмысления практики. Проявляясь в мышлении носителей любого типа культуры, эти идеи вступают друг с другом в сложные взаимоотношения. Иногда они начинают противоречить друг другу, порождая всевозможные трудности в обыденной жизни или в сфере научно-теоретического познания. На ранних стадиях человеческой истории эти формы не были оторваны друг от друга, представляли собой синкретическое единство. Но постепенное усложнение характера человеческого взаимодействия с окружающим миром привело к их дифференциации, к распределению по разным уровням. Различие между ними еще более усилилось с возникновением специализированной формы познания — науки. Представление о науке как о предельно возможном выражении рационального рассуждения обусловило ее явное противопоставление эмоционально-художественному восприятию действительности, чего не было в прошлом.

Растущее значение науки для жизни общества в свою очередь вызвало необходимость детального анализа ее форм и методов. В результате достаточно быстро стало очевидным, что научное познание само определяется *конфликтом между разными уровнями исследовательской практики*. Обнаружилось, что ученый, вступающий в непосредственный чувственный контакт с изучаемыми явлениями, создает систему представлений, существенно отличающихся от идей, существующих в сознании теоретика. По сути, эти две группы ученых как бы существуют в «разных мирах», иногда даже несовместимых друг с другом. Поэтому утверждение о том, что теория непосредственно проверяется (или опровергается) прямым эмпирическим действием, сегодня воспринимается как слишком сильное упрощение действительного положения дел. Для того чтобы теоретическая модель могла включиться в процедуры ее опытной проверки, экспериментатору приходится существенно модифицировать исходную форму этой модели, адаптируя ее к реально осуществимым практическим действиям. Теоретик менее зависим от подобных ограничений и потому может создавать описание интересующих его явлений, не всегда совместимых с эмпирическими данными, известными современной ему науке. В этом смысле его творчество по своему характеру в чем-то сходно с художественной практикой, где велика роль творческой фантазии.

Конечно, в реальной исследовательской практике четко оформленное различие этих двух типов мышления встречается не так уж часто. В разное время один и тот же ученый может быть носителем и того, и другого. Но в целом многие специалисты, изучающие когнитивные процессы в научном познании, достаточно часто подчеркивают отличие научного мышления от других форм, в которых проявляется культурное сознание. Во многом это обусловлено спецификой коммуникативных действий внутри специализированных исследовательских коллективов³. В этом случае можно говорить о конфликте *образно-эмоционального и рационально-понятийного осознания людьми своей жизни*. Этот конфликт не только определяет отношения между уровнями научного познания, но и проявляется в более широком контексте культурной деятельности вообще. Один и тот же человек одновременно может быть, скажем, художником и математиком. При решении интеллектуальных задач в его действиях доминирует рациональный тип мышления, тогда как художественная деятельность стимулирует преобладание мышления образного. Выбор того или иного способа осмысления своих действий определяется конкретными ситуациями, и контекстуальное предпочтение одного из этих вариантов не обязательно связано с абсолютным вытеснением другого.

Еще один тип «внутреннего» конфликта особенно наглядно проявляется там, где сталкиваются *существенно различающиеся формы культуры*. На первый взгляд, в данном случае речь идет о «внешнем» взаимодействии систем различного типа. Однако определяющее значение имеют изменения, происходящие в каждой из таких систем, поэтому подобный конфликт может быть также отнесен к «внутренним» характеристикам любой культуры. Такие изменения происходят, например, при попытках истолковать чужую систему норм и представлений в рамках своего привычного подхода. Полному совмещению комплексов привычных и «экзотических» идей обычно препятствуют обнаруживаемые культурные «лакуны» (информационные пробелы и семантические противоречия). Например, для европейца характерно восприятие черного цвета как траурного, в Японии же траур обозначается белым цветом; болгары обозначают согласие движением головы по горизонтали, у нас это знак несогласия. Расхождение в культурных системах может быть обусловлено как различием поведенческих обычаев, так и спецификой языков, используемых носителями сопоставляемых культур.

О наличии подобных лагун свидетельствует непонимание смысла знаков, предъявляемых «чужими». К тому же они могут восприниматься как неприемлемые, несовместимые с традициями, привычными для носителя другой культуры⁴. Трудности освоения новых культурных норм во многом обусловлены существенно различающимися условиями, в которых формировались культурные системы обществ,

вступающих в контакт. Природная среда, сложившиеся способы коллективных действий, традиционные формы управления и т.д. — все это определяет особенности каждого конкретного типа социума. И когда носители разных норм и ценностей встречаются друг с другом, привычные для каждого из них традиции и представления могут вступать в противоречие между собой. Иногда такое противоречие оказывается достаточно острым. И все же в нормальных условиях первоначальное взаимное неприятие «чужого» не ведет к неприменному подавлению одной из культурных систем другой (хотя в истории человечества, к сожалению, нередко случалось именно так). Лучше узнавая друг друга, обмениваясь идеями, знаниями, убеждениями и пр., носители каждой из этих культур обогащают себя и создают новую систему, общую для них.

Однако становление «синтетической» культуры связано с множеством трудностей. Как отмечал когда-то Б. Малиновский, человек является полем, на котором сталкиваются элементы его традиционной культуры с элементами культуры новой, усваиваемой. Такое столкновение вызывает изменение традиционно действующих социальных институтов, ведет к появлению новых их форм или функций. Это происходит как в системе культуры, воспринимающей нововведения, так и в той, которая эти нововведения в нее привносит⁵. Процесс преобразования каждой из них представляет собой *конфликт «своего» и «чужого»*, результатом которого оказывается не отбрасывание одной из систем, а появление нового способа их взаимного сосуществования. И поскольку элементы «культуры-реципиента» совмещаются с элементами «культуры-донора», этот тип конфликта можно тоже рассматривать как фактор «внутренний».

Осознание перечисленных форм внутреннего конфликта может порождать убежденность в том, что дальнейшее существование человечества ведет к еще большему увеличению неоднородности социальной жизни, к распаду общества на множество отдельных групп и слоев, все более замыкающихся относительно друг друга. Ясно, что при таком развитии истории выживание людей стало бы весьма проблематичным. Поэтому авторы утопических моделей истории надеялись на достижение полного единодушия всех членов «совершенного» общества. Но успешное функционирование общества вовсе не предполагает устранение всех возможных конфликтов. Необходимо отчетливо понимать, что именно их возникновение и разрешение стимулирует человеческую активность, способствующую все большему проявлению сущности людей. Так или иначе, но всегда находятся способы хотя бы временного уравнивания противоречий, которые проявляются в жизни самых разных типов общества. И каждый конфликт предполагает специфические для него формы своего разрешения. Одни («внешние») могут вести к подавлению, отбрасыванию

одной из сторон противоречия. Другие («внутренние») предполагают поиски какого-то *компромисса*, в разной степени снимающего возникающее напряжение. Взаимная адаптация противоположных сторон конфликта предполагает какое-то изменение каждой из них, выход за существующие рамки. В результате и возникает новая система, общая для всех участников конфликта, но при этом сохраняющая их качественные особенности.

Формирование такой системы, уравнивающей (хотя бы на некоторое время) конфликтующие противоположности, соответствует изначальному значению самого слова «компромисс». Ведь в латинском языке оно было связано с поисками *«третьего судьи»*, разрешающего разногласия, возникающие между людьми. И согласие всех участников конфликта с решениями такого судьи предполагает взаимное стремление спорящих сторон принимать их в качестве обязательных для всех. Важность компромиссов в современной жизни общества обусловлена тем, что возрастающая социальная дифференциация способствует иногда закреплению остро осознаваемой взаимной изоляции людей, чья деятельность связана с достаточно удаленными друг от друга сферами. Ученые и инженеры, художники и экономисты, врачи и промышленники не часто задумываются над тем, что любой вид человеческой деятельности направлен на преодоление общих конфликтов, с которыми человечество постоянно сталкивается. Не всегда осознается ими, что повышение эффективности их действий предполагает не только понимание различий, но и поиски выхода из возникающих затруднений, *приемлемого для всех*. Сама возможность сближения носителей разных типов мышления обусловлена хотя бы тем, что некоторые области культурной деятельности, отграниченные сегодня друг от друга, в прошлом не разделялись. Например, научное и художественное творчество когда-то реализовывалось одними и теми же авторами. Как известно, один из создателей новой физики Галилей намеревался стать художником. Леонардо да Винчи оставил значительный след как в искусстве, так и в истории естествознания.

Несмотря на последующее расхождение путей, по которым шло развитие искусства и науки, их цели во многом совпадали и продолжают совпадать. Усилия ученых направлены не только на повышение упорядоченности человеческих знаний, но и на гармонизацию самих объективных процессов, происходящих в окружающем мире⁶. Ведь если в прошлом человечество было вынуждено организовывать свою жизнедеятельность под давлением условий природной среды, то теперь люди стараются (хоть и не всегда оправданно и успешно) управлять природными процессами, пытаясь *преобразовать мир в соответствии со своими потребностями и представлениями*. Но и художник не просто «зеркально» отражает все, что привлекает его

внимание. Изображая какой-то ландшафт или рисуя чей-то портрет, автор организует пространство картины в соответствии со своими представлениями о том, как в нем должны располагаться детали, составляющие содержание этой картины. Он упорядочивает воспринимаемые фрагменты действительности, руководствуясь пониманием того, что такое «порядок». Создатель кубизма П. Пикассо, например, утверждал, что он изображает мир не таким, какой он есть, а таким, каким он *должен быть*.

На глубинную близость «рационального» и «эмоционального» типов мышления в разное время не раз обращали внимание как представители мира искусства, так и профессиональные ученые. Например, многие художники-импрессионисты серьезно пытались применить методы физики и математики в своем творчестве. А сегодня известный естествоиспытатель посвятил целую книгу обсуждению роли интуитивных суждений в научной и художественной практике. Подчеркивая постоянную связь этих сфер культуры, он обращает внимание на то, что для художника преимущественное значение имеет *переживание* интуитивно обнаруживаемой истины, тогда как ученый старается свои интуитивные догадки *рационально обосновать*. С этой точки зрения, во взаимодействии искусства и науки всегда проявляется *конфликт между интуитивным и логически-рациональным способами отображения явлений окружающей действительности*. Однако их противоположность друг другу вовсе не предполагает взаимного отторжения и вытеснения. Напротив, они взаимно дополняют друг друга⁷. И такие взаимоотношения возможны лишь при достижении определенного компромисса.

В качестве одной из первых форм компромисса можно рассматривать *переосмысление носителями одной культуры идей, заимствованных у другой, их приспособление к своим потребностям и целям*. Это могут быть идеи, которые обусловлены неустранимым противоречием культур различного типа. Выше говорилось о том, что такой контакт иногда ведет к возникновению «синтетической» культуры, в рамках которой противоположности относительно уравниваются. Однако это происходит далеко не всегда. Переосмысление заимствований в большинстве случаев представляет собой попытку их адаптации к традициям, привычкам для культуры-реципиента. На самом деле, приспособление «чужого» для своих целей чаще всего ведет к различным искажениям заимствованного, к возникновению «хи-мерических» форм сознания, в которых новое и старое часто объединяются во многом произвольно. Специалист по средневековой европейской культуре французский историк Ж. Ле Гофф описывал сосуществование языческого наследия и комплекса идей христианства в западной культуре раннего Средневековья как одновременное «партнерство-соперничество». Конфликт между языческой культурой

и «духом христианства» обусловил то, что античная мысль выжила в Средние века лишь «в разодранном, искаженном и униженном христианством состоянии». Однако новая система теологии нуждалась «в услугах поверженного врага», поэтому, как отмечает Ле Гофф, средневековые авторы брали у античных то, что считали «своим». И все же французский историк характеризует подобные взаимоотношения как «компромисс»⁸.

Несколько иной тип компромисса проявляется там, где сосуществование разных культурных систем порождает определенный «параллелизм» в их функционировании. Христианской церкви не всегда удавалось полностью адаптировать к своим нормам какие-то формы коллективного поведения, сохранившиеся с древних времен. В этом случае создавались своеобразные «эквиваленты» языческих обрядов, связанные с использованием христианской символики. В частности, не сумев уничтожить такой древний ритуал, как карнавал, христианство поставило рядом с ним свою систему праздника — страстную неделю, структурно сходную с карнавалом. И обе эти традиции сосуществуют в неустойчивом равновесии уже много столетий⁹. Подобный «параллелизм» особенно наглядно различим в языковой практике разных культур. Известно достаточно много случаев одновременного существования в одном и том же обществе двух систем языка, употребляемых в различных ситуациях. И ситуации эти жестко ограничены друг от друга. Такое явление в лингвистике определяется как «диглоссия».

Например, в Италии эпохи Возрождения представители «высокой культуры», обсуждая научные или религиозные вопросы, употребляли латынь. Эти же люди в повседневной жизни общались на итальянском языке. И обсуждение бытовых проблем на латыни вызывало комический эффект или недоумение (что использовали многие авторы распространенных пародий). В конце концов, победил обычный итальянский, а латынь получила статус «мертвого языка». Но диглоссия рано или поздно может сменяться «двуязычием» — восприятием разных языков как равноправных (хотя различие культурных форм, обусловивших в прошлом появление и закрепление «двуязычия», обычно еще долгое время сохраняется). Этот тип компромисса достаточно часто встречается в современной общественной жизни и играет важную роль в ее организации.

Однако признание равноправности имеющихся противоположностей не устраняет полностью внимания к их отличию друг от друга. Для того чтобы осознать свои особенности, каждая культурная группа нуждается в некоем альтернативном образце, в чем-то сходном с ней и в то же время явно отличающемся. Воспринимая себя в качестве «нормы», носители определенных культурных традиций часто отмечают в «других» некоторое сходство с собой и в то же время оценивают

их как искажение нормы. В этом случае *особой формой компромисса оказывается осмеяние «чужого»*, не означающее обязательного подавления осмеиваемого. Ведь там, где целью является полное вытеснение альтернативного образца, смех редко оказывается продуктивным (полностью «чуждое» может вызывать отвращение, страх, но не смех). Фундаментальной сущностью смеха в данном случае является увязывание «нормы» и отклонений от нее в единую систему.

Многие исследователи, изучающие феномен смеха, не раз указывали на то, что смеяться можно лишь над тем, что чем-то похоже на тебя и в тоже время отличается. Например, В.Я. Пропп утверждал, что «смех сближает явления, связанные между собой непосредственно», и настаивал на обязательном наличии сходства и различия как необходимом условии смеха¹⁰. При этом смех становится орудием анализа, поскольку «переворачивание» привычного порядка вещей способствует формированию более четких представлений о «норме». Одна культурная система, осмеивая другую, видит в ней, как в кривом зеркале, свою неполноту, отличие своего реального состояния от того «идеала», которого ее носители хотели бы достичь. Тем самым смех «готовит фундамент для новой культуры»¹¹. Компромисс этого типа не только позволяет достигать какого-то равновесия противоположностей, но и создает возможность их совершенствования при сохранении специфических особенностей каждой из них.

Еще один вариант культурного компромисса связан с попыткой отождествить противостоящие друг другу элементы, создав новую целостность, в которой различия конфликтующих сторон как бы нивелируются. Примером реализации такого варианта является использование *формализованных способов описания действительности*. Наиболее наглядно это проявляется в математическом творчестве. Математики конструируют множество абстрактных структур, пригодных для применения как в области эмпирического исследования, так и в сфере познания теоретического, а также для решения прикладных задач в самых различных сферах человеческой деятельности. В этом случае один из видов конфликта (конфликт между теоретическим и практическим мышлением) в какой-то степени снимается. Сегодня становится все более очевидно, что не только представители различных сфер естествознания, но и гуманитарии в своем творчестве также ориентируются на создание все более универсальных схем, посредством которых они описывают процессы, происходящие как в сфере социальной жизни, так и в субъективной реальности человека. Это свидетельствует о сближении разных видов познания¹².

Внутренние конфликты и различные компромиссы, с помощью которых эти конфликты разрешаются, определяют функционирование культуры как «живой системы». Необходимо только иметь в виду, что конфликты выражают «инвариантные» черты культуры. Компромис-

сы же всегда относительны и временны. Они никогда не разрешают ни одного конфликта полностью, раз и навсегда. *Развитие общества идет от одного компромисса к другому, и взаимосвязь конфликтов и компромиссов определяет особенности каждой фазы исторического процесса.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кармин А.С. Культурология. – СПб., 2001. – С. 13.

² См.: Уэллс Г. Предвидения. – М., 1902. – С. 7 – 10, 69, 82.

³ См.: Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. – М., 1974. – С. 62.

⁴ См.: Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. – Новосибирск, 1989. – С. 102 – 113.

⁵ См.: Малиновский Б. Избранное. Динамика культуры. – М., 2004. – С. 40, 72.

⁶ См.: Глейк Д. Хаос. Создание новой науки. – СПб., 2001. – С. 156.

⁷ См.: Фейнберг Е.Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. – М., 1992. – С. 186 – 191.

⁸ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С. 106 – 109.

⁹ См.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. – М., 1977. – С. 68.

¹⁰ См.: Протт В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М., 1976. – С. 43, 70, 97.

¹¹ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в древней Руси. – Л., 1984. – С. 3; см. также: Тульчинский Г.Л. Культура личности и смех // Человек. 2012. № 2. – С. 20 – 34.

¹² См.: Анкерсмит Ф. Нарративная логика. – М., 2003.

Аннотация

В статье рассматриваются механизмы реализации культурных конфликтов и заимствований. При этом ключевую роль в этом процессе играет личность как источник, средство и результат динамики культуры.

Ключевые слова: заимствование, компромисс, конфликт, культура, познание, развитие.

Summary

The article considers the mechanisms of realisation of the cultural conflicts and borrowings. The key role is played by the person as a source, a means and a result of the dynamics of culture.

Keywords: borrowing, cognition, compromise, conflict, culture, development.